

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская академия наук
Институт восточных рукописей

МОНГОЛИЯ В ЖИЗНИ Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ

*Воспоминания,
письма,
фотографии*

Санкт-Петербург
2019

ла Л. К. Герасимович. «Я всегда с удовольствием общаюсь с монголами и монголооведами», — такими словами заканчивается интервью.¹

И письма, и интервью Л. К. Герасимович являют нам пример искренних чувств и тесных связей ученого-монголооведа с той страной и тем народом. Исследованию которых была посвящена вся ее жизнь.

*Доцент кафедры монголоведения и тибетологии
Восточного факультета СПбГУ М. П. Петрова*

2. Из воспоминаний Л. К. Герасимович о писателях Монголии

Союз монгольских писателей в 60-е годы XX века

Из дневниковых записей Л. К. Герасимович

В начале 60-х гг. прошлого века Союз монгольских писателей располагался в небольшом одноэтажном здании, разделенном на маленькие комнаты, обставленные не очень новой стандартной для того времени мебелью. В этих комнатах ютились различные комитеты и подкомитеты, если не ошибаюсь, там же была расположена редакция литературной газеты «Уран зохиол, урлаг» и журнала «Цог». Впрочем, в последнем не уверена. Одно совершенно точно, в здании было всегда много народу, преимущественно писателей, занятых делом или просто общающихся друг с другом.

Кабинет председателя Союза монгольских писателей тоже не претендовал на роскошь, но был уютен и по-деловому строг. За председательским столом мне довелось видеть С. Удвал и Д. Цэдэва, оба занимали свои кресла довольно долго (в общей сложности с конца 1950-х до конца 1980-х гг.)

Моим постоянным местом работы была библиотека. Также очень небольшая по площади, с книжными стеллажами по стенам, столом хранителя библиотеки Чойдова О. и поставленным специально для меня небольшим рабочим столиком. До сих пор помню, как работать было холодно (дело было поздней осенью и зимой). И я, и Чойдов гуай работали в верхней одежде.

¹ Мунхцэцэг Э., Мазарчук А. В. Би монголчуудад нээлттэй хүн. Өнөөдөр. 15.08.2016.

ЛГУ послал меня осенью 1962 г. в научную командировку в МНР, чтобы изучить книги современных монгольских писателей, необходимые в последующем для монографии о монгольской литературы 20–60-х гг. XX в. Для любой исследовательской работы, главным объектом которой является человек (создатель книги, ее герои) важно и даже необходимо не просто прочитать книгу, но по возможности проникнуть в личность ее автора, понять его человеческое «я».

Именно поэтому мне представилось не просто интересным, но весьма полезным и даже необходимым познакомиться и поговорить с авторами.

Нередко заглядывавший в библиотеку к концу дня С. Эрдэнэ неизменно подавал мне пальто, помогая одеться. Чойдов гуай очевидно не знакомый с этим европейским правилом этикета с явным недоумением смотрел на эту процедуру. Но уже через несколько дней сам неизменно вскакивал и подавал мне пальто. По его доброму лицу было видно, что делал он это с явным удовольствием.

Ц. Гайтав

Однажды порог библиотеки, подталкиваемый кем-то другим сзади, переступил невысоко роста мужчина с насупленными бровями и явно раздраженным выражением лица. Это был Ц. Гайтав. Сев на кончик стула напротив меня, он обнаружил явное нежелание ни говорить со мной, ни тем более обсуждать литературные проблемы. С большим трудом удалось хоть как-то разговорить его. Из этой первой беседы отчетливо помню только одно. Гайтав с какой-то отчаянной решимостью повторял, что он не любит и не умеет писать лирические стихи. Мастер этого жанра Б. Явуухулан. А его, Гайтава, интересует только гражданская тема.

Вторая встреча с Гайтавом была случайной. Мы столкнулись в книжном магазине. Он к моему удивлению сам подошел ко мне, интересуясь, какие книги я выбираю. Во многом именно эта встреча дала мне счастливый случай узнать Гайтава как человека. Стоя на морозе (Гайтав, кстати, отказывался идти в общежитие, где я жила) мы очень долго и очень дружески разговаривали о жизни, о литературе, о человеческих отношениях. Гайтав очень болезненно переживал разрыв своих близких дружеских отношений с Г., чувствовалось, что это его сердечная боль. Он явно недооценивал своего места и своей роли в литературе того времени. За этим не стояло ни обиды, ни оскорбленного самолюбия, только горечь неоправданных надежд. Передо мной стоял человек тонко чувствующий,

отчетливо понимающий роль и место писателя в жизни, горько сожалеющий, что не все получается и не все правильно получается.

Первая встреча с поэтом относится к началу 60-х гг. и происходила она в старом здании Союза монгольских писателей, маленьком тесном одноэтажном здании. Обставленные простой, часто не новой мебелью (иногда столы, стулья) кабинеты и отделы в течение дня никогда не были пустыми за редкими случаями. В них почти всегда ежедневно бывали литераторы, критики, новеллисты. В библиотеке, где я просиживала целыми днями, работая с архивом, книгами, встречаясь с писателями, зимой было отчаянно холодно. Согревали лишь пространные разговоры и встречи, да неизбежная улыбка, сидящего за столом напротив, очень подтянутого, очень интеллигентного и очень доброжелательного хозяина библиотеки Чойдов гуая.

Любопытная деталь, связанная с ним. Сидя напротив друг друга, мы часто улыбались друг другу, обменивались репликами, часто я задавала вопросы о литературной жизни в Монголии в 1920-х гг. Чойдов гуай очень охотно и очень подробно отвечал на все мои вопросы, обнаруживая прекрасное знание литературной жизни Монголии 1920–1930-х гг.

В 1960–1970-х гг. в Ташкенте проводились международные литературные конференции, в которых регулярно участвовали и монгольские писатели. Ц. Дамдинсурэн, вспоминая об одной из этих конференций, рассказывал, что однажды он ездил туда вместе с Ц. Гайтавом. Зная его закрытость и замкнутость, он поспорил на ящик коньяка с одним из советских писателей, что тому ни за что не удастся заставить Гайтава сказать хоть слово. Мне довелось знать и видеть другого Ц. Гайтава. Однажды он приехал в СССР по приглашению газеты «Комсомольская правда». Выразил желание поехать в Ленинград. Поселили поэта в одной из лучших гостиниц города «Астория», где мы и встретились. Оба были обрадованы встречей и, улыбаясь, долго пожимали друг другу руки. Потом гуляли по городу и говорили не только о красоте и величии Ленинграда, но и о многом другом: о последних стихах и поэмах Гайтава, обсуждали сущностно значение гражданской лирики, ее глубокую духовную значимость.

Ц. Дамдинсурэн

Очень давно, еще с аспирантских времен, мне удалось познакомиться с Ц. Дамдинсурэном. Наше знакомство длилось с 1950 года вплоть до его кончины в 1986 году. Этот очень эрудированный и высокообразован-

ный ученый, в обычной жизни был простым, доброжелательным, при этом не без известной доли ехидства человеком. И хотя на мои вопросы он нередко каким-то особо проникновенным голосом отвечал: «Мэдэхгүй» («Не знаю»), чувствовалось, что это ритуал.

Б. Ринчен

С академиком Ринченом мне не довелось лично встретиться в Монголии, хотя я неоднократно видела его на улице в окружении большой группы учеников. Был он красив, высок, статен с гордо посаженной седой головой, бородой и усами. Национальная монгольская одежда удивительно шла ему, подчеркивая изящную упругость фигуры. Он всегда что-то говорил, подчеркивая сказанное выразительным жестом. Окружавшие не просто слушали, но внимали Учителю.

Множество причин заставляли меня уклоняться от встречи с академиком. Это и его весьма натянутые отношения с Дамдинсурэном, и известная робость начинающего ученого, и более чем скептическое отношение академика к советским ученым.

Единственная наша встреча состоялась в Ленинграде в конце 60-х гг. Однажды рано утром Ринчен позвонил мне домой, сказал, что едет в Венгрию и хотел бы встретиться. Я была удивлена, растеряна и несколько насторожена. С трудом подбирая слова и выражения, я сказала, что для меня было бы весьма лестно поговорить с таким авторитетом в области монгольской культуры как Ринчэн. Но у меня, к сожалению, утренние занятия в университете и отменить их я уже не успею. Не скрою, что телефонную трубку я повесила одновременно с облегчением и некоторым сожалением. Буквально через 10–15 минут звонок повторился. Ринчэн сказал, что его самолёт отменили и я могу приехать в гостиницу «Астория» в любое удобное время. Договорились на 12 часов, после окончания занятий.

Встретил меня Ринчен так радушно, дружелюбно и даже бойко, что не осталось и воспоминания о неловкости и натянутости. Удивила лишь деталь: он не предложил мне чаю. Как-то это не соответствовало монгольским традициям. Разговор шел о литературе, но не новейшей, а средневековой. Ринчен очень высоко ценил памятники средневековой литературы, считал, что современные произведения даже приблизительно не соответствуют старым образцам. Много и подробно рассказывал о памятниках шаманской литературы, о шаманизме вообще и его роли в культуре Монголии. Часа через два Ринчен предложил мне сходить в музей

этнографии, где как раз в это время проходила этнографическая выставка из Монголии. Я предложила вызвать такси и тут Ринчен удивил меня второй раз, сказав, что любит ходить пешком. От гостиницы «Астория» до Института этнографии не менее трех километров, к тому же идти надо было по Невскому проспекту. В красной дэли, широкой шапке с опушкой, с гутулами на ногах и солидным посохом в руках Ринчен выглядел столь экзотично и экстравагантно, что удивление прохожих было безмерным, кто-то улыбался, кто-то замирал на ходу. Сам герой отлично понимал все происходящее и небрежно заметил, что его, вероятно, принимают за экспонат, сбежавший из музея этнографии.

В Институте этнографии Ринчен внимательно рассматривал экспонаты и придирчиво критиковал каждое письменное пояснение. Все что он говорил было интересно поучительно и убедительно.

День, проведенный с Ринченом окончился весьма забавной сценкой. Около дверей гостиницы нас окружила толпа иностранцев, которые с криками «Санта Клаус!» устроили вокруг нас хоровод. Ринчен был раздражен и даже рассержен. От его невозмутимости не осталось и следа. Вырвавшись из толпы, мы вошли в гостиницу, где академик быстро распрощался со мной и, не оглядываясь, быстрым шагом направился к лифту.